

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО СОДРУЖЕСТВА
РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

(КЕНИГСБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС 1904 года)

О. И. Бершадская

На судебном процессе 1904 г. по делу группы германских рабочих социал-демократов, в канун первой русской революции, ярко проявилась международная пролетарская солидарность немецких и русских рабочих. Процесс этот почти не освещен в исторической литературе. Упоминания о нем содержатся лишь в недавно вышедших книгах советского исследователя Б. А. Айзина¹ и немецкого историка А. Нордена². В биографических очерках о Карле Либкнехте имеется указание на его участие в этом процессе в качестве защитника подсудимых³. Но специальных исследований пока нет. Между тем ряд важных источников проливает свет на историю и значение этого процесса. Еще в 1904 г. немецкий социал-демократ Курт Эйсер издал стенографическую запись судебных заседаний в Кенигсберге⁴. Участвовавший в процессе в качестве эксперта русский профессор М. Рейснер издал в 1925 г. свои мемуары⁵. Материалы о подготовке и ходе суда можно найти в протоколах рейхстага, в русских нелегальных газетах и в немецкой прессе того времени. Опираясь на эти источники, а также на документы, сохранившиеся в архиве внешней политики России, можно в известной мере восполнить указанный пробел в исторической литературе.

В исторических условиях, сложившихся в России в начале XX в., важнейшим средством борьбы за создание массовой революционной партии пролетариата Ленин и

его соратники считали издание и распространение среди передовых рабочих России общерусской политической газеты. С этой целью Ленин в 1900 г. выехал в Нюрнберг, а оттуда в Мюнхен. Там с весны 1901 г. поселилась и Н. К. Крупская, ставшая бессменным секретарем ленинской газеты «Искра». С сентября 1900 по май 1902 г. газета печаталась в Германии (сперва в Лейпциге, потом в Мюнхене)⁶. Большую помощь в ее издании оказывали германские рабочие. В Штутгарте вышла в свет и знаменитая книга В. И. Ленина «Что делать?», заложившая идеологические основы большевистской партии. В Германии, а также в Швейцарии печаталась русская популярная социал-демократическая литература, доставлявшаяся затем в Россию.

После того как было налажено издание газеты, одной из важнейших организационно-технических задач стала транспортировка ее в Россию. В письмах к П. Н. Лепешинскому и П. А. Красикову от 1 июня 1901 г. Ленин указывал: «Вообще весь гвоздь нашего дела теперь — перевозка, перевозка и перевозка. Кто хочет нам помочь, пусть все цело наляжет на это»⁷. В этом важном деле издания и переброски в Россию революционной литературы на помощь русским социал-демократам пришли германские революционные рабочие социал-демократы.

Германская социал-демократическая рабочая партия накопила в прошлом, в годы действия исключительного закона против социалистов (1878—1890), большой опыт нелегальной работы и, в частности, опыт издания и распространения партийной печати. Энгельс высоко оценил революционную инициативу, решимость и мужество немецких партийных кадров, наладивших издание в Швейцарии центральной партийной газеты «Der Sozial-Demokrat» и на про-

¹ Б. А. Айзин. Подъем рабочего движения в Германии в начале XX века. М. 1954.

² Albert Norden. Zwischen Berlin und Moskau. Berlin. 1954.

³ H. Schumann. Karl Liebknecht. Ein Stück unpolitischer Weltanschauung. Dresden. 1923; Joh. Rössler. Karl Liebknecht. Das Leben eines patriotischen Kämpfers für Frieden und Demokratie gegen imperialistischen Kriege und Militarismus. Berlin. 1952.

⁴ «Der Geheimbund des Zaren. Der Königsberger Prozess wegen Geheimbündelei. Hochverrat gegen Russland und Zarenbeleidigung vom 12 bis 25. Juli 1904». Herausgegeben von Kurt Eisner. Berlin. 1904, S. 534.

⁵ М. Рейснер. Судебный процесс Карла Либкнехта против русского царя. Рязань. 1925.

⁶ Первый номер «Искры» вышел в декабре 1900 г., но печатание его началось еще в сентябре (см. «Neues Deutschland», 29 мая 1955 г.).

⁷ «Ленинский сборник». Т. VIII, стр. 149.

тяжении 12 лет обеспечивавших его переброску через границу и доставку рабочим с помощью подпольной «красной почты». Энгельс советовал сохранить про запас созданный в условиях исключительного закона подпольный аппарат и открыто предупреждал правящие классы Германии, что в случае необходимости этот аппарат «снова вступит в действие — усовершенствованный, усиленный, налаженный заново»⁸. Призывая к созданию общерусской нелегальной марксистской газеты, Ленин ссылался на опыт немецких рабочих, которые «сумели благодаря своей организованности и дисциплинированности достичь того, что еженедельно выходящая нелегальная газета правильно ввозилась из-за границы и доставлялась на дом всем подписчикам, так что даже министры не могли не восхищаться социал-демократической почтой («красной почтой»)»⁹.

За годы, последовавшие после отмены исключительного закона, германская социал-демократическая партия постепенно «привыкла» к обстановке легальности. Вопреки советам Энгельса существовавший прежде нелегальный аппарат не был сохранен. В партии сложилось оппортунистическое течение, сторонники которого ориентировались только на легальную парламентскую, профсоюзную деятельность. Однако в среде передовых германских рабочих социал-демократов революционные традиции были живы. Они вдохновляли деятелей левого крыла партии. И когда русские социал-демократы обратились к германской партии за содействием, они встретили с их стороны сочувствие и помощь. Одним из наиболее активных деятелей в этом направлении был К. Либкнехт. Он оказывал поддержку русским революционерам, содействовал пересылке в Россию нелегальной литературы, нелегальной переписке русских революционеров и т. д.

В. И. Ленин указывал, что «хороший конспиративный аппарат требует хорошей профессиональной подготовки революционеров и последовательнейшим образом проведенного разделения труда...»¹⁰. В соответствии с этим ленинским указанием искровцы создали разветвленный аппарат для нелегальной транспортировки революционной литературы в Россию. Отдельные его звенья развернули свою работу на территории Гер-

мании. В Берлине, Кенигсберге и других городах были созданы склады литературы. Во всех этих пунктах нелегально проживали русские революционеры, выполнявшие по заданию партии роль связных и организовывшие перевозку нелегальной литературы (П. П. Смидович, П. А. Красиков и другие).

Германская полиция отслеживала русских революционеров и стремилась пресечь их деятельность. Когда в 1903 г. П. А. Красиков по поручению большевистского центра готовился поехать в Россию с документами II съезда партии и инструкциями местным партийным организациям, берлинская полиция арестовала его, и он был осужден за проживание по чужому (болгарскому) паспорту. По отбытии наказания Красикова угрожала выдача царским жандармам. К. Либкнехт, адвокат по профессии, посетил Красикова в тюрьме и выступил его защитником на судебном процессе. Когда был вынесен приговор, Либкнехт в ожидании решения по кассационной жалобе внес тысячу марок залога, взял Красикова на поруки и направил его в Штутгарт. Здесь заботу о нем приняла на себя Клара Цеткин.

Одной из действенных форм содействия германского пролетариата освободительной борьбе в России была помощь в перевозке нелегальной литературы, в частности ленинской «Искры». Рядовые немецкие рабочие, представители левого течения социал-демократической партии, принимали в этом активное участие. В Берлине при редакции центрального органа газеты «Vorwärts» и у доверенных лиц социал-демократической партии были организованы склады нелегальной русской литературы. Такие склады имелись у социал-демократов: в Шарлоттенбурге у Эренпфорта, в Мемеле у Трептау, в Кенигсберге у Новагородского, в Тильзите у Мертинса и в некоторых других местах. Складом при редакции «Vorwärts» ведал экспедитор книготорговли «Vorwärts» социал-демократ Петцель, который, повидимому, был непосредственным организатором транспортировки литературы.

Переброска литературы через границу была сопряжена с большими трудностями. Иногда полицейской агентуре удавалось узнавать намеченное время и место переброски и задерживать литературу. Так, в декабре 1900 г. первый транспорт искровских изданий на русском и латышском языках (12 тюков) был задержан на границе

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 2-я, стр. 71.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 203—204.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 452.

Курляндской губернии и конфискован. Как видно из жандармского донесения, в тюках были экземпляры «Искры», популярные брошюры «Объяснения о штрафах»¹¹, «Что нужно знать и помнить каждому рабочему» и другие брошюры и листовки революционного характера¹².

Одним из важных пунктов переброски революционной литературы в Россию был в этот период Кенигсберг, расположенный недалеко от границы. Организацией переброски литературы занималась местная организация социал-демократической партии. Связным между Берлином и Кенигсбергом являлся, повидимому, берлинский социал-демократ, столяр Эренпфорт, в квартире которого находился один из складов нелегальной русской литературы. В Кенигсберге была создана группа из трех членов партии, осуществлявшая прием, хранение и дальнейшую переброску литературы. Руководителем группы был старый социал-демократ Новагородский, по профессии парикмахер, подвергавшийся тюремному заключению за распространение в Германии революционных прокламаций еще в 1881 г., в период действия исключительного закона против социалистов. В состав группы входили проживавший в Тильзите сапожник Мертинс и кассир Браун. Группа была, в свою очередь, связана с двумя социал-демократами, жившими в пограничной полосе, Трепгау и Клейном. Последние с помощью местных жителей, ремесленников Кегста и Кугеля, занимавшихся контрабандой, переправляли литературу через границу.

Из материалов судебного следствия нельзя установить, когда возникла эта группа и сколько литературы ей удалось переправить за границу. Не подлежит сомнению, однако, что количество этой литературы было весьма значительно. Впоследствии на суде в качестве «вещественных доказательств» фигурировали тысячи конфискованных экземпляров брошюр, прокламаций и книг.

Какую же именно литературу транспортировали в Россию кенигсбергские социал-

демократы? Из материалов суда видно, что среди конфискованной литературы находились различные номера «Искры», работа Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии», брошюра Плеханова «Русский рабочий в революционном движении», брошюры Дейча «В Сибирь и обратно», Дикштейна «Кто чем живет», искровские брошюры «Царь-голод», «Женщина-работница», «Из жизни солдата», № 1 журнала «Заря» и другие издания. Следует указать, что тем же аппаратом по переброске литературы в Россию пользовались также меньшевики и эсеры¹³. Поэтому среди конфискованной литературы оказались также издания меньшевистские и эсеровские. Однако наибольшую активность и размах в деле издания и переброски в Россию революционной литературы, несмотря на крайний недостаток денежных средств, проявляли большевики.

Все более широкое проникновение нелегальной литературы в Россию встревожило царские власти. В начале октября 1903 г. русский консул в Кенигсберге Выводцев доносил царскому посольству в Берлине, что на имя социал-демократа Новагородского поступают из Швейцарии тюки с литературой на русском и латышском языках. По просьбе консула полиция изъяла на таможе 19 образцов брошюр и доставила ему для ознакомления. Полиция обещала консулу следить за русскими, посещающими Новагородского¹⁴. Посол России в Берлине Остен-Сакен и русские консулы получили указание усилить наблюдение за деятельностью русских революционеров в Германии. С согласия германского правительства в начале 900-х годов в Берлине, Лейпциге, Кенигсберге, Штутгарте, Мюнхене, Мемеле, Дармштадте и других городах Германии была размещена целая сеть русских полицейских агентов, пользовавшихся активной помощью германской полиции. В качестве агентов были завербованы немецкие подданные. Во главе этой сети стоял некий инженер Гартинг. Его годовой оклад составлял 36 тыс. марок, то есть был равен окладу прусского министра. Подчи-

¹¹ Очевидно, имеется в виду брошюра В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», второе издание которой было выпущено в 1897 г. в Женеве, в типографии «Союза русских социал-демократов».

¹² См. «Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1901 г.», «Русская историческая библиотека», № 20, стр. 49.

¹³ Литература большевиков транспортировалась до границы отдельно, но при непосредственной переброске через границу тюки с литературой различных направлений нередко попадали к одним и тем же контрабандистам, например, к Кегесту, привлеченному впоследствии к суду.

¹⁴ Архив внешней политики России (АВПР), фонд «Посольство в Берлине», д. 4546, л. 2.

ненные почтительно величали его «превосходительством». Донесения консула Выводцева о деятельности Новагородского были сообщены русским посольством Гартингу для организации слежки за социал-демократами в Кенигсберге¹⁵.

Шпики установили строгое наблюдение за «подозрительными» русскими, проживавшими в Германии, а также за немцами, с которыми русские встречались. Шпики проникали в комнаты русских революционеров, рылись в их вещах, сообщали сведения о том, какие они читают книги и газеты, откуда получают письма, куда сами направляют корреспонденцию. Одним из распространенных приемов слежки было тайное вскрытие квартирных почтовых ящиков и просмотр корреспонденции, а также подкуп или давление на почтовых служащих с той же целью. Имели место подлоги и провокации, которые позволяли подводить русских под категорию «нежелательных иностранцев», высылаемых из страны. О значении услуг, которые оказывала германская полиция русской, свидетельствует признание царского министра внутренних дел Плеве: «...без помощи германской полиции было бы невозможно подавлять революционное движение»¹⁶.

В 1903 г. произошли крупные первомайские выступления во многих городах России, всеобщие стачки в Закавказье и на Украине, антиправительственные демонстрации в Ростове и Баку. Это свидетельствовало о нарастании революционного подъема в России. Одновременно усиливалось влияние социал-демократической рабочей партии в Германии. На выборах в июне 1903 г. она получила 81 мандат, и ее фракция стала второй по численности в рейхстаге. В Кримулчане вспыхнула стачка текстильщиков, длившаяся полгода. Съезд социал-демократической партии, состоявшийся в сентябре 1903 г. в Дрездене, продемонстрировал рост революционной тенденции в рабочем движении. В такой обстановке германские власти охотно пошли навстречу стремлению царского правительства пресечь совместную деятельность германских социал-демократов и русских революционеров по переброске нелегальной литературы в Россию. Когда Остен-Сакен обратился к германскому министру иностранных дел Рихтгофену

с просьбой начать подготовку судебного процесса против Новагородского и его товарищей¹⁷, это было ему охотно обещано.

Готовя кенигсбергский процесс, германские и русские власти рассчитывали опереться на договор «относительно выдачи преступников», заключенный Россией и Пруссией еще при Бисмарке в начале 1885 года¹⁸. Кроме того, в германском уголовном кодексе нашлись две статьи, соответствовавшие реакционным целям германского и русского правительств. Ст. 102 гласила, что германский подданный или находящийся в Германии иностранец, который совершит государственное преступление или будет призывать к совершению такового в отношении иностранной державы, дружественной Германии, карается заключением в крепость. Ст. 103 предусматривала заключение в крепость или тюрьму виновных в оскорблении иностранного государства или государя. В обеих статьях оговаривалась их применимость в отношении преступления, совершенного только против тех государств, в которых существует аналогичное законодательство, охраняющее интересы германской империи. Условием возбуждения судебного преследования по этим делам ставилось требование соответствующего иностранного правительства. Обе статьи и были пущены в ход.

Прусское министерство юстиции обратилось к русскому правительству с предложением официально возбудить преследование против девяти прусских подданных, активно содействовавших транспортировке нелегальной литературы. Это и было сделано русским послом в Берлине Остен-Сакеном. Требовалось далее, чтобы в законодательстве Российской империи существовали аналогичные статьи и чтобы прусский суд действовал, таким образом, на началах «взаимности». В русском законодательстве таких статей не было. Таким образом, возбуждение судебного процесса даже с точки зрения действовавшего тогда в России и в Германии законодательства представляло

¹⁷ АВПР, фонд «Посольство в Берлине», д. 4546, лл. 9 и 12.

¹⁸ Согласно этому договору, правительства России и Пруссии обязались выдавать друг другу своих подданных, обвинявшихся в совершении убийства или в покушении на царя или прусского короля, либо на членов их семейств, а также в насильственных действиях и «оскорблениях», нанесенных этим лицам. «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». Составил Ф. Ф. Мартенс. Т. 8. СПб. 1888, стр. 693—695.

¹⁵ Там же, л. 5.

¹⁶ См. Е. Еуск. *Das persönliche Regiment Wilhelms II. Politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914*. Erlenbach — Zürich. 1948, S. 363.

собой вопиющее беззаконие. Это обстоятельство не могло, однако, остановить правящие круги России и Германии в их стремлении любыми средствами нанести удар рабочему движению в России и Германии.

Фабрикация «материалов» обвинения была поручена русскому консулу в Кенигсберге Выводцеву. Прусские власти предоставили в его распоряжение для «перевода на немецкий язык» некоторые брошюры, конфискованные у социал-демократа Новагородского. При «переводе» Выводцев выдергивал отдельные фразы, искусственно соединял их с выдержками из террористических брошюр эсеров Бурцева и Надеждина и революционных песен. Получилось очень острое блюдо «кровожадного содержания», как определили его в прусской полиции¹⁹. Фальсифицированный перевод был заверен подписью и приложением казенной печати и передан германским властям. Он-то и был положен в основу обвинительного заключения на кенигсбергском процессе.

В ноябре 1903 г. в Кенигсберге, Берлине, Мемеле и других городах Германии были произведены аресты немецких социал-демократов. Вначале им было предъявлено обвинение в организации тайного союза, а затем в государственном преступлении против России и в оскорблении царя. 12 июля 1904 г., после семимесячного тюремного заключения, арестованные предстали перед судом. На скамью подсудимых были посажены рядовые немецкие социал-демократы: экспедитор газеты «Vorwärts» Петцель, столяр из Берлина Эренпфорт, парикмахер Новагородский, кассир из Кенигсберга Браун, сапожник Мертинс из Тильзита, рабочие Трепкау и Клейн из пограничной полосы Восточной Пруссии, а также два контрабандиста — Кегст и Кугель.

Организаторы кенигсбергского процесса рассчитывали не только прекратить переброску в Россию нелегальной литературы, но и ослабить рабочую партию в Германии, изобразив ее пособником «русских террористов». Кроме того, оказав царизму услугу в борьбе с революционным движением, правящие круги Германии рассчитывали создать благоприятную для себя обстановку в переговорах с Россией о заключении торгового договора.

В ответ на преследования германская социал-демократическая партия развернула широкую политическую кампанию против

судебного произвола и политических провокаций. 19 января 1904 г. социал-демократическая фракция рейхстага внесла интерпелляцию по поводу действий русских полицейских агентов в Германии²⁰. С трибуны рейхстага Август Бебель убедительно доказал, что проживающие в Германии русские, преимущественно студенты, приехавшие получить высшее образование, отнюдь не являются анархистами, как это пытается представить правительство и реакционная печать. Высылка из Германии так называемых «нежелательных иностранцев» на русскую границу, по существу, является умышленной выдачей русских их палачам «для ужасной гибели, без судебного разбирательства, в рудниках Сибири или в темницах Петропавловской крепости». «Ни одно правительство в мире, — заявил Бебель, — не соглашается оказывать России такие любезные услуги... Германское правительство и германская империя вполне готовы стать чистильщиками сапог у батюшки царя»²¹.

Отвечая на интерпелляцию, министр иностранных дел Рихтгофен признал, что одному чиновнику в русском посольстве поручено его правительством следить за действиями русских анархистов, находящихся в Германии, и уведомлять об этих действиях русское правительство. Рихтгофен добавил, что правительство не собирается выступать против деятельности царских агентов в Германии. Отвечая на вопрос о том, почему в Кенигсберге начато дело по обвинению в государственном преступлении против Российской империи, прежде чем само русское правительство предъявило соответствующее требование, Рихтгофен заявил: «Мы никоим образом не намерены оказывать содействие революционным поданным дружественного и соседнего государства... Не только в интересах России, но и в общих интересах всех цивилизованных государств — бороться с анархическими происками... Наша обязанность содействовать с особым старанием... самому тесному соприкосновению полицейских учреждений различных соседних государств»²².

Чересчур откровенные заявления Рихтгофена вызвали недовольство в либеральных кругах немецкой буржуазии. Против поло-

²⁰ «Der Geheimbund des Zaren. Der Königsberger Prozess...», S. 51—52.

²² «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages XI. Legislaturperiode. I. Session 1903—1904», S. 384.

²³ Там же.

¹⁹ См. М. Рейснер. Указ. соч., стр. 39.

жений, выдвинутых министром, в рейхстаге выступили депутат от партии центра Шпан и депутат от свободомышляющей народной партии Мюллер.

Поведение правительства вызвало возмущение немецкого рабочего класса, проявившееся на многочисленных собраниях, организованных социал-демократической партией. 18 февраля 1904 г. в столице состоялись массовые рабочие собрания для отпора провокации правительства. В собраниях участвовали тысячи людей. Так, например, в Хофегер во дворце «Хасенхайде» присутствовало свыше тысячи человек, в зале «Берлинер Пратер» — 1 500, в «Вейманс фолькстартен» — около 2 тысячи, в Риксдорфе присутствовало 2 тысячи металлистов. Особенно многолюдным было собрание в рабочем районе Берлина — Моабите, в «Брайерай Патценхофен», где с докладом выступил К. Либкнехт. При бурном одобрении присутствующих Либкнехт заклеил пресловутый «русский курс» прусского правительства и услуги, оказываемые им царизму. Собрание приняло резолюцию, в которой выражались сочувствие героическим борцам против самодержавия и восхищение ими, а также уверенность в том, что протест собравшихся против поддержки русского деспотизма найдет живой отклик в сердце рабочего класса Германии²⁴.

10 марта 1904 г. в Бреслау, в «Доме профсоюзов», на большом народном собрании выступила Клара Цеткин с речью, направленной как против царского режима, так и против помощи, оказываемой ему германским реакционным правительством²⁵.

В связи с кенигсбергским процессом правительство подверглось энергичным нападениям печати, его политика открыто осуждалась²⁶. Стремясь нейтрализовать впечатление, произведенное на общественное мнение страны выступлениями рабочих организаций, правительство решило провести предварительное обсуждение вопроса о ке-

нигсбергском процессе в прусском ландтаге, где в то время не было представителей рабочей партии. Представители правительства пытались изобразить кенигсбергскую организацию социал-демократов «очагом анархизма», а организаторов переброски литературы, германских и русских социал-демократов, — «бандой царевичей и уголовных преступников», действующих на германской территории. Однако правительству не удалось избежать новых дебатов о кенигсбергском деле в рейхстаге. Они состоялись 27 и 29 февраля 1904 г. при обсуждении бюджета. Причину нервозности правящих кругов выдал прусский министр юстиции Шенштедт, заявивший, что успешное распространение революционной литературы в России усилило бы в ней революционное движение, что немедленно оказало бы влияние на Пруссию и Германию. «И поэтому я говорю: *«Tua res agitur»*»²⁷ («Дело касается тебя». — О. Б.).

Бебель в большой и обстоятельной речи вновь разоблачил политику прусско-германских властей. «Не исключено, — заявил Бебель, — что в литературу, посланную из Женевы на имя Новогородского, полицейские шпики специально подбросили террористические издания»²⁸. Канцлер Бюлов, несмотря на свою болезнь, срочно приехал в рейхстаг, чтобы ответить вождю социал-демократической партии. Речь Бюлова носила наступательный характер. Все правительства, говорил он, обязаны поддерживать друг друга в борьбе «против анархизма». Обвиняя социал-демократическую партию в том, что она «поднимает шум по поводу событий в Кенигсберге», Бюлов открыто заявил, что считает обязанностью германского правительства всемерно помочь русскому царизму.

После выступления канцлера в рейхстаге и соответствующей кампании в официозной печати правительство считало процесс в Кенигсберге достаточно подготовленным. 12 июля 1904 г. в Кенигсберге в старинном здании прусского королевского суда при большом стечении публики открылся процесс, в течение двух недель приковывавший к себе внимание широких слоев европейской общественности. Политический характер процесса был ясен с первых же дней, и именно это определило всеобщий интерес к нему.

²⁷ «*Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages... 1903—1904*». Bd. 2, S. 1358.

²⁸ Там же, стр. 1378.

²⁴ «*Vorwärts*», 19 февраля 1904 года.

²⁵ «*Vorwärts*», 27 июля 1904 года.

²⁶ Несколько лет спустя, стараясь сохранить дружественные отношения с царской Россией в период острой дипломатической борьбы, вызванной боснийским кризисом, Вильгельм II напоминал Николаю: «Мое правительство всегда было готово помогать твоему правительству в борьбе с революционным движением, и делалось это так энергично, что нам пришлось встретиться по этому поводу с упреками и нападениями в нашей собственной стране и даже в парламенте» (Переписка Вильгельма II с Николаем II). П. 1923, стр. 152.

Перед судебским столом лежали тюки конфискованной литературы, частью зятые в холст, частью обернутые бумагой и туго стянутые веревками. Они заключали в себе тысячи газетных листов, брошюр, прокламаций и книг, призывающих трудящихся России к борьбе за свое освобождение и свержение ненавистного царского режима. «Трудно себе представить что-либо возмутительней обстановки, в которой создавался и протекал процесс,— писала «Искра»,— и действий обоих правительств, его инсценировавших. За все время предварительного следствия обвиняемым и их адвокатам, несмотря на настойчивые требования, не только не сообщено было содержание инкриминируемых брошюр, но даже не названы заголовки. Отобранные посылки были перепутаны полицией и следователями так, что на суде невозможно было даже установить, что у кого было взято. Обвинительный акт на 200 писанных листах был вручен только за пять дней до разбирательства дела; прокуратура не попыталась даже исследовать юридические основы обвинения и проверить сообщенные ей русскими дипломатическими чиновниками данные, на которых это обвинение было построено»²⁹.

Организаторы этого провокационного процесса стремились установить наличие связи немецких социал-демократов с русскими «террористами» и «убийцами». Прокурор Шютце пытался изобразить нелегальную русскую литературу как террористическую и на этом основании обвинить подсудимых в призывах к убийству русского царя и другим террористическим актам, а братскую помощь германских социал-демократов русским представить как соучастие в «цареубийстве», «кровавых преступлениях» и т. п. В конфискованной литературе, кроме того, содержались неслестные эпитеты по адресу Николая II, следовательно, можно было подвести дело под статью об оскорблении государя.

Подсудимый Мертинс на вопрос о том, известно ли ему было, в переброске какой литературы он участвовал, ответил: «Это была главным образом «Искра»³⁰. Подсудимый Петцель, отказавшись, как и его товарищи, назвать фамилии русских, с которыми он в Германии имел дело по транспортировке революционной литературы, на

вопрос председателя суда: «Известно ли вам, откуда приходили посылки?» — ответил: «Да, от Блюменфельда или от Ульянова из Женевы»³¹.

При помощи различных юридических уловок прокуратура добивалась признания подсудимых в том, что им было известно содержание транспортируемой революционной литературы, распространение которой по царским законам подлежало наказанию. Помощник прокурора Каспар поспешил заявить, что существование «тайного общества» и участие в нем обвиняемых полностью доказаны³².

Уже первые три дня процесса принесли его организаторам большое разочарование. Допрос подсудимых, несмотря на все ухищрения прокуратуры, не дал каких-либо сенсационных признаний о деятельности русских «террористов» и помощи им со стороны германской социал-демократии. Все подсудимые за исключением контрабандистов Кугеля и Кегста, держали себя на суде как убежденные социал-демократы. Они утверждали, что их русские товарищи не анархисты, а, подобно германским социал-демократам,— марксисты. Подсудимые не только не отрицали того, что помогали русским социал-демократам в транспортировке нелегальной литературы, но заявили, что глубоко сочувствуют их освободительной борьбе и считают своим партийным долгом и впредь оказывать им помощь. Они отказались назвать имена русских, с которыми были связаны, чтобы не подвергать их преследованиям.

Обвиняемые социал-демократы не уронили своего достоинства честных и сознательных рабочих. Но в силу недостаточной политической подготовленности и отсутствия должного опыта они не сумели использовать процесс как трибуну для боевого разоблачения антинародной политики правящих классов Германии и России. Эту задачу взял на себя Карл Либкнехт. Будучи официально защитником одного из обвиняемых — Эрэнфорта, Либкнехт разоблачил юридическую несостоятельность всего процесса, подлог и фальсификацию документов и действительную политическую подоплеку процесса.

Обстоятельные ответы вызванных по требованию Либкнехта свидетелей и экспертов — бывшего профессора Томского университета М. Рейснера и немецкого со-

²⁹ «Искра», 25 июля 1904 года.

³⁰ «Der Geheimbund des Zaren. Der Königsberger Prozess...», S. 240.

³¹ Там же, стр. 244.

³² Там же, стр. 401.

циал-демократа В. Бухгольца, прожившего в России большую часть своей жизни,— нарисовали перед судом и мировым общественным мнением яркую картину угнетенного положения трудящихся в Российской империи.

Разоблачив царский режим и сотрудничавшее с ним германское правительство, К. Либкнехт поднял кенигсбергский процесс на большую политическую высоту. Он задавал свидетелю обвинения полицейскому комиссару Шефлеру острые, бьющие прямо в цель вопросы: «Находится ли кенигсбергская полиция в какой-нибудь особой связи с русской полицией?», «Пользовалась ли здешняя полиция услугами шпионов или членов русского консульства в Цюрихе?», «Знаете ли вы кого-нибудь из членов русского консульства, кто выполняет полицейскую службу?»³³. «Известно ли вам,— спрашивал Либкнехт свидетеля обвинения полицейского комиссара Вольфрома,— что изложение содержания (русской революционной литературы.— О. Б.), полученное вами от русского консульства, в прессе и рейхстаге квалифицировалось как сознательная ложь?»³⁴. Вопросы Либкнехта вызвали растерянность и замешательство членов суда. Председатель отвел заданный Либкнехтом вопрос, а прокурор Шютце всячески старался выгородить русского консула Выводцева. В спешке-де ошибка в переводе брошюр была вполне возможна. Подобное разъяснение прокуратуры вызвало возмущение и иронический смех присутствующих.

Закидав вопросами консула Выводцева, выступавшего в качестве свидетеля обвинения, К. Либкнехт разоблачил фальсификацию перевода конфискованных брошюр. «Где находится место,— спрашивал Либкнехт,— в котором говорится: «Ничто не может избавить трон Николая II от той судьбы, которая постигла Александра II; кровавое дело должно совершиться, и ничто не спасет царя от ярости народа»³⁵. Выводцев лихорадочно перелистывал брошюру, но найти такого места не мог, ибо его и не было. Либкнехт задавал новые вопросы, и снова консул безнадежно искал и не находил в брошюрах выдуманных фраз. Обстановка в суде становилась все более накаленной.

На пятый день процесса защита выступила с заявлением, что представленный

царским посольством в Берлине перевод русского уголовного уложения не соответствует оригиналу. С помощью экспертизы Либкнехт вскрыл совершенный прусскими и русскими властями подлог. Он неопровержимо установил, что Остен-Сакен и Выводцев при переводе текста ст. 260 сознательно опустили слова: «...в случае, если существует договор о взаимности или опубликованный специальный закон». Заявление защиты вызвало волнение в зале и явное замешательство судей. Для установления содержания конфискованной литературы Либкнехт предложил читать ее вслух, и суд вынужден был принять это предложение. В течение семи дней в зале суда звучали слова острого обличения царского строя, горячих призывов к народу сплотиться для борьбы за свое освобождение, слова, указывавшие путь борьбы.

На одиннадцатый день процесса Либкнехт выступил с блестящей речью. В противовес лицемерному вопросу прокурора: может ли быть что-нибудь более позорное, нежели лежащие перед нами произведения печати? — Либкнехт сказал: «Я знаю нечто действительно позорное,— это русский режим, относительно которого говорит эта печать». В речи Либкнехта прозвучало глубокое сочувствие революционной борьбе русского народа. Немецкий революционер-интернационалист использовал свое выступление, чтобы рассказать о революционном движении в России, направленном против царизма. «Над новейшей историей России,— говорил Либкнехт,— надписаны слова: «Сибирь и Шлиссельбург. Без Сибири и Шлиссельбурга не существует царизма». Либкнехт воздал должное «героической русской молодежи, готовой на подвиги и самопожертвование во имя освобождения своей родины». Он обращал внимание на рост в России промышленного пролетариата. В России развивается широкое рабочее движение, образована марксистская партия — противница террористической тактики отчаяния. Это единственная из всех русских партий, подчеркивал Либкнехт, способная увлечь за собой массы»³⁶.

Кенигсбергский процесс обманул ожидания его организаторов. Нигде еще, указывал Либкнехт, русскому правительству на глазах у всего мира не были нанесены такие тяжелые удары, как в этом зале суда. Неотразимая сила выступлений Либкнехта

³³ Там же, стр. 255.

³⁴ Там же, стр. 259.

³⁵ Там же, стр. 277.

³⁶ См. Karl Liebknecht. *Ausgewählte Reden, Briefe und Aufsätze*. Berlin. 1952, S. 73, 74—75.

заставила прокурора отбросить юридическую казуистику, на которой он строил обвинение, и обнажить политическую сущность процесса. После речи Либкнехта прокурор и его помощник вынуждены были выступить вторично. «Учреждение демократической республики в России,— заявил прокурор Шютце,— должно самым чувствительным образом отразиться и на Германии, а в «Искре» речь идет не о конституции, а о демократической республике... Когда горит дом моего соседа, то и мой также в опасности». «Несомненно,— вторил ему второй обвинитель, Каспар,— что пламя революции легко может переброситься в Германию, особенно из Польши и Литвы, а распространение возбуждающей литературы уже и теперь могло бы нарушить добрые отношения Германии с Россией»³⁷.

Усилиями защиты, и прежде всего Либкнехта, процесс был выигран. Суд вынужден был оправдать всех подсудимых, признав обвинение в «преступлении против дружественной державы» недоказанным. Лишь для смягчения огромного морального поражения правительства пятеро обвиняемых из девяти были приговорены к не продолжительному заключению за доказанную якобы принадлежность к «тайному сообществу». Направленный на удушение революционного движения в обеих странах спор прусско-юнкерской Германии с самодержавной Россией выступил на кенигсбергском процессе в обнаженном виде. Во время процесса вскрылась реакционная роль юнкерско-буржуазного империализма, одного из оплотов европейской реакции, которая, усилившись в период революции 1905—1907 гг., привела правящие слои Германии к подготовке контрреволюционной интервенции в России. Поддерживая царизм, буржуазия и юнкерство Германии боролись тем самым против революционного движения в своей стране.

Услуживость германского правительства по отношению к царизму объяснялась и новой расстановкой сил на международной арене, стремлением привлечь к себе Россию и попыткой внести охлаждение во франко-русские отношения.

Кенигсбергский процесс явился значительным успехом демократических сил Германии. Даже убежденный монархист, профессор Дельбрюк, в своем журнале «Preussische Jahrbücher» должен был при-

знать, что «моральное поражение, понесенное правительством, прямо-таки оглушительно». Влиятельная газета национал-либеральной партии «Kölnische Zeitung» высказала справедливое суждение о том, что прусский министр юстиции, затеяв кенигсбергский процесс, достиг результатов, совершенно противоположных тем, на которые он рассчитывал³⁹. Царская дипломатия была крайне недовольна неожиданными результатами процесса и той неприглядной ролью, которую сыграл на суде русский консул в Кенигсберге.

Опасаясь гнева начальства, Выводцев писал первому секретарю посольства Крупенскому 30 ноября 1904 г.: «Меня жестоко подвела полиция, уверившая меня, что мои справки послужат лишь руководящей нитью для дальнейших преследований» (немецких социал-демократов и русских революционеров.— О. Б.). Он просил Крупенского известить его, Выводцева, «предполагает ли его сиятельство (то есть посол) вновь писать об этом в министерство и очень ли он негодует за то, что я нехотя попался в этот перекрестный огонь»⁴⁰.

По-иному отнеслись к итогам процесса демократические слои. Бебель и левое крыло социал-демократической партии оценили исход кенигсбергского процесса как свою крупную победу. Выступая в рейхстаге 5 декабря 1904 г. в связи с обсуждением бюджета на 1905 г., Бебель назвал кенигсбергский суд «неслыханным позором», «величайшим моральным и юридическим провалом правительства»⁴¹.

«Наиболее непримиримые и яростные противники современного рабочего движения — официальная Германия и официальная Россия,— писал Меринг,— напрягли все свои силы, чтобы победить, и потерпели позорное поражение. В Кенигсберге оказались наголову разбитыми не только русский деспотизм, не только его вассалы, не только германские органы юстиции... но и все те, кто грубыми и насильственными, подлыми и предательскими средствами пытается затормозить рабочее движение»⁴². Роза Люксембург, получив сообщение об итогах

³⁹ См. журнал «Освобождение», 1904, № 54, стр. 75—76.

⁴⁰ АВПР, фонд «Посольство в Берлине», № 4546, л. 26.

⁴¹ «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages... 1903—1904», S. 3368.

⁴² «Die Neue Zeit», 1903—1904, № 44, стр. 547.

³⁷ «Der Geheimbund des Zaren. Der Königsberger Prozess...», S. 448.

процесса, писала друзьям: «Прежде всего поздравим себя с Кенигсбергом. Это по-настоящему праздник и победа...»⁴³.

Свое удовлетворение итогами процесса, растущую симпатию к освободительной борьбе русского народа и стремление усилить свою помощь ему немецкие трудящиеся выражали на многочисленных и многоязычных собраниях. На рабочем собрании 9 февраля 1905 г., где с докладом о русской революции выступила Клара Цеткин, была принята следующая резолюция: «Собрание требует, чтобы был положен конец той позорной роли, которую играет Германия — Пруссия по отношению к царизму, и чтобы был немедленно отменен русско-пруссский договор о выдаче (революционеров.— О. Б.) от 1 января 1885 г., являющийся позором для Германии»⁴⁴.

На одном из собраний, посвященных итогам кенигсбергского процесса в Берлине, в театре «Палас», 29 июля 1904 г. выступил Карл Либкнехт. Хотя начало собрания было намечено на восемь часов вечера, уже к семи часам тысячи людей заполнили партер и галереи, заняв все места в огромном зале. В семь часов полиция оцепила помещение, и тысячи не попавших в здание людей были отнесены ею в прилегающие улицы. Появление Либкнехта было встречено восторженной овацией, красноречиво выражавшей отношение передовых немецких рабочих к кенигсбергскому процессу, а вместе с тем и благодарность своему пролетарскому адвокату. Речь Либкнехта была прослушана с огромным вниманием. Присутствовавшие неоднократно выражали свое одобрение речи Либкнехта бурными аплодисментами и восклицаниями. «Практический результат процесса тот,— сказал Либкнехт при горячем одобрении собравшихся,— что теперь всякий свободомыслящий немец должен заявить: я считаю своим долгом помогать русским борцам за свободу, и каждый член партии должен считать своим долгом всемерно содействовать русским партийным товарищам в распространении нелегальных социал-демократических изданий. Не только каждый член

партии, но каждый свободомыслящий человек должен содействовать тому, чтобы сокрушить бастилию деспотизма и чтобы мы могли воскликнуть: царизм мертв — да здравствует русская свобода!»⁴⁵.

Бременский съезд германской социал-демократической партии (1904 г.) принял резолюцию, в которой указывалось, что и впредь поддержка германскими социал-демократами русских социал-демократов в распространении нелегальной революционной литературы является долгом интернациональной солидарности⁴⁶.

Уже тогда Либкнехт ясно понимал авангардную роль российского пролетариата и оценивал будущую русскую революцию как величайший фактор ускорения революционного взрыва во всем мире. Для Либкнехта борьба германского и русского пролетариата связывалась в единый революционный процесс. Через год после кенигсбергского процесса, когда развернулись события первой русской революции, Либкнехт говорил в одном из своих политических выступлений: «Будем же достойны наших русских братьев, которые с беспримерным героизмом ведут борьбу, чтобы сбросить ярмо царизма!»⁴⁷.

Кенигсбергский процесс продемонстрировал единство интересов рабочего класса Германии и России и дал пример боевого сотрудничества русских пролетарских революционеров и германских передовых рабочих. Организацией нелегального аппарата для транспортировки революционной литературы в Россию немецкие рабочие социал-демократы внесли свой вклад в дело подготовки первой русской революции. Имея в виду период 1905—1907 гг., В. И. Ленин впоследствии писал: «Социал-демократическая книжка не пропала. Она посеяна. Она растет. И она даст плоды...»⁴⁸. Создав нелегальный аппарат для переброски через границу русской революционной литературы, передовые немецкие рабочие, представители левого крыла германской социал-демократии, действовали в духе лучших революционных традиций германского рабочего движения.

К сожалению, руководство социал-демократической партии Германии не использо-

⁴³ Роза Люксембург. Письма к Карлу и Луизе Каутским. М. 1923, стр. 62.

⁴⁴ Archivalische Forschungen zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 2/1. Die Auswirkungen der ersten Russischen Revolution von 1905—1907 auf Deutschland. Dokumenten aus den Polizeiberichten über die Arbeiterversammlungen in Berlin. Berlin. 1954, S. 73.

⁴⁵ «Vorwärts», 30 июля 1904 года.

⁴⁶ «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, abgehalten zu Bremen vom 18 bis 24. September 1904». Berlin. 1904, S. 132.

⁴⁷ «Vorwärts», 21 июля 1905 года.

⁴⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 263.

вало для революционной мобилизации масс благоприятную обстановку, созданную кенигсбергским процессом и началом революции в России. Выступая на Мангеймском партийном съезде в сентябре 1906 г., К. Либкнехт, говоря о русской революции, напомнил, что «кровь, которую проливают там (в России.— О. Б.) наши братья, они проливают за нас, за пролетариат всего

мира. То, что мы до сих пор сделали,— с горечью заявил он,— это лишь маленькая лепта, которой мы откупились от той, полной кровавых жертв борьбы, которая ведется на востоке также и за нас»⁴⁹.

⁴⁹ Karl Liebknecht. *Ausgewählte Reden, Briefe und Aufsätze*, S. 100.